Александр Ранне, протоиерей

БОГОСЛОВСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ОТКРЫТОГО ДИАЛОГА С МИРОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА (РОТОВА))

Статья посвящена описанию истории жизни и служения митрополита Никодима (Ротова) (1929—1978), видного современного деятеля Русской Православной Церкви. Дается оценка его деятельности, взглядов и богословского наследия.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, митрополит Никодим (Ротов), экуменизм, Всемирный совет Церквей

Личностное самосознание будущего митрополита Никодима формировалось в эпоху чрезвычайно трагическую. Неожиданное изменение отношения к Православной Церкви во время тяжёлых военных испытаний, благодаря патриотической деятельности сначала митрополита и местоблюстителя патриаршего престола, а затем и патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского), вскоре, ещё при Сталине, стало оборачиваться новыми гонениями. При Никите Хрущёве были найдены довольно простые и действенные способы борьбы с Православной Церковью: разнузданная антирелигиозная пропаганда с использованием нравственно надломленных священнослужителей, абсолютная информационная изоляция, финансовый прессинг за счёт непомерного налогообложения, сокращение до минимума образовательных учреждений, открытых ещё совсем недавно, в сталинские времена, и, наконец, запрещение епископских рукоположений. По расчётам ответственных за антирелигиозную политику руководителей коммунистической партии СССР. Эти меры должны были к началу 80-х годов привести к ситуации, при которой, по выражению Никиты Хрущёва, можно было бы показать «последнего попа». Неожиданный успех Святейшего Патриарха Сергия, хоть и кратковременный, благодаря исторической ситуации, сложившейся по промыслу Божию, всё же демонстрировал возможности использования политических и общественно-значимых реалий для спасения Православной Церкви в России. История с митрополитом Николаем Ярушевичем показала, что опираться на международный авторитет даже при должном послушании светской власти для пользы Церкви абсолютно бесперспективно. Необходимо было, с одной стороны, найти выгодную для страны, обязательно международную и христиански обоснованную политику. А с другой стороны, важно было найти или создать международные христианские организации, стать участниками международного политического процесса, завязать тесные контакты с Церквями, на понимание которых можно было бы рассчитывать в своей внутренней борьбе за право существования Православной Церкви в СССР. Мир в это время балансировал на грани беспрецедентной военной катастрофы, а Советский Союз всё глубже загонял себя в ситуацию абсолютной международной изоляции. Существовать в таком положении продолжительное время, даже обладая, казалось бы, неисчерпаемыми внутренними ресурсами, чрезвычайно проблематично; и поиски каналов выхода, хотя бы и частичного, для смягчения международной ситуации, были вполне обоснованными.

Однако представлять себе митрополита Никодима только лишь умелым и компромиссным политиком, искусно лавирующим в этой сложной политической ситуации, было бы, с нашей точки зрения, глубоко ошибочным. Это был человек глубокой веры. Человек, христиански мыслящий и православно живущий. И поэтому его политическая и международная деятельность всегда внутренне обосновывалась не только внешними выгодами для существующей во враждебном мире и воинствующей Церкви Христовой, но и богословски, и нравственно выверенной позицией по самым сложным вопросам жизни. Именно в этом контексте и рождаются два основных направления его деятельности на международной арене. Это — христиански обоснованная борьба за мир и экуменическая деятельность, опирающаяся на поиски более тесного объединяющего сотрудничества в сложном мире православных поместных Церквей.

Эпистолярное творчество митрополита Никодима, собранное им самим и представленное в пяти томах Учёному Совету Санкт-Петербургской Духовной Академии на соискание ученой степени доктора богословия *honoris causa*, чрезвычайно обширно по форме и предельно глубоко и разнообразно по содержанию. Здесь можно встретить не только речи и доклады, произнесенные и написанные по совершенно разным поводам и на многие богословские и нравственные темы, но и научные изыскания, написанные, что называется, «от души», потому что представляли чрезвычайный интерес для Владыки. Например, прекрасно сделанный, написанный исключительно на источниках почти стостраничный труд «Христианские храмы и богослужение во времена св. Иоанна Златоуста (по его творениям)». Можно предположить, что это сочинение тогда ещё совсем молодого архиерея и предельно внимательное отношение автора к смыслу богослужебных текстов (особенно текстов Евхаристических канонов) и сформировали основные богословско-экклесиологические взгляды митрополита Никодима. Конечно, было бы несправедливо не учитывать и то влияние, которое оказывали на молодого человека встречавшиеся на его пути такие удивительные подвижники благочестия и исповедники веры Православной, как архиепископ Димитрий (Градусов) и многие другие, а также его обучение в Санкт-Петербургских Духовных школах. Однако личное впечатление от вовлечённости в святоотеческую письменность и знакомство со Святой Землёй имели, как представляется, определяющее значение.

По рассказам архимандрита Авеля (друга митрополита Никодима), ещё в юности они много мечтали и размышляли о Святой Земле и её святых. Но первая встреча с ней, кажется, превзошла все его ожидания. Наверное, это происходит с каждым православным человеком. Но говоря о митрополите Никодиме, мы имеем в руках талантливо написанные воспоминания, два фрагмента из которых мне хотелось бы здесь процитировать: «Первым впечатлением на Святой Земле было ощущение тёплой южной ночи, наполненной благоуханием цветущих садов. Когда же стало светло, то взору предстали миндальные деревья в цвету и зацветающие цитрусовые плантации. Вся Саронская долина, где расположен аэропорт Лидда, благоухала. Утром началось знакомство со Святым Градом». А вот, по-моему, чрезвычайно важное для современного православного сознания воспоминание о Великой субботе в Иерусалиме: «К часу дня духовенство Миссии (священники в епитрахильях) направляется к пограничной заставе на израильско-иорданской границе. Туда прибывает греческое духовенство и представители арабских приходов, живущих в Израиле. У всех приподнятое настроение и вместе с тем ожидание. А в это самое время, при мёртвой тишине, тысячи собравшихся христиан с упованием смотрят на священную кувуклию, в которой заключено бесценное сокровище — Гроб Господень, откуда излились на человечество и радость, и спасение, и жизнь. Там, в гробовой пещере, “идеже бе лежало тело Иисусово”, в молитвенном подвиге в эти минуты пребывает Блаженнейший Иерусалимский Патриарх. Он молится, чтобы Господь даровал людям своим благословение и благодать. Вот раздался радостный трезвон колоколов Святогробского храма. Это означает, что Святитель Иерусалимской Церкви вышел из пещеры Гроба Господня со святым огнём. Ликование наполняет храм Гроба Господня, это ликование передаётся к стоящим недалеко от Святого Гроба, но не могущим по разным обстоятельствам быть соучастниками там. А колокола между тем своим трезвоним продолжают возвещать Славу Божию. Вот вдалеке показалась немногочисленная процессия. Это святогробское духовенство несёт святой огонь нам, находящимся по другую сторону границы... После взаимных приветствий мы зажигаем наши светильники и направляемся в наш собор. Едва издали заметил нас находящийся на колокольне звонарь — затрезвонили наши мощные колокола, и хор горненских монахов запел “Егда снизшел еси к смерти Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества...” Мы внесли огонь в собор. Сразу же были затеплены в храме все лампы и многочисленные свечи зажжены благодатным огнём. Этот огонь поддерживается всю Пасхальную седмицу неугасимым». Показательно, что в этих глубоко прочувствованных воспоминаниях много говорится о благодатности и святости огня Гроба Господня и почти ничего не рассказывается о чудесности его происхождения. Чудо само по себе всегда только форма, знак присутствия благодати Божией, близость которой духовно чуткими людьми переживается в первую очередь. В этих замечательных воспоминаниях о Святой Земле невозможно не восхититься внутренним миром будущего на весь мир известного митрополита, переполненного православным мироощущением и любовью ко всему тому, что связано с земной жизнью, смертью и Воскресением нашего Спасителя.

В своём известном труде «Бытие как общение» [1] митрополит Иоанн (Зизиулас) пишет, что «Православное богословие ещё не выработало полноценного синтеза между христологией и пневматологией, а без него невозможно ни понять саму православную традицию, ни серьёзно продвинуться в экуменической дискуссии наших дней». Этот синтез, действительно, чрезвычайно сложен ещё и потому, что, если говорить о Христе можно много и конкретно в силу Его явленности миру, то рассуждать о духовной стороне жизни Церкви, и вообще жизни, чрезвычайно трудно в силу явной субъективности переживаний человеком своего внутреннего состояния. И всё же на личностном уровне для верующего человека духовная обусловленность того, с кем происходит общение, очевидна, особенно, если для него Христос, как для апостола Павла, есть нечто определяющее его внутреннюю жизнь. Вот таковым, по нашему глубокому убеждению, и был приснопамятный митрополит Никодим [2]. Христос и Его дело спасения мира от греха были подавляющим всё остальное содержанием его внутреннего мира и его стремлений. Но христоцентричность его внутренней жизни, его мироощущения удивительным образом сочеталась с его молитвенной жизнью, погружённостью в богослужебный ритм православной традиции. И это был не традиционализм обывателя, заботящегося о точном исполнении правила, но всецелое погружение в правило, которым обуславливается жизнь во Христе и которое делает человека свободным и ответственным одновременно.

Мир, в котором разворачивалась деятельность молодого епископа, на которого, по вполне объективным причинам, всё в большей степени ложилась вся тяжесть ответственности за Православную Церковь в СССР, балансировал на грани ядерной войны. Карибский кризис, война во Вьетнаме, арабо-израильский конфликт, вторжение в Доминиканскую республику, свержение демократического правительства в Бразилии, ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию — это совсем неполный перечень опасных для мира политических ситуаций, возникавших в 60-ые и в начале 70-ых годов. Угроза всеобщей катастрофы буквально « висела » над мировым сообществом дамокловым мечём, и не включиться в широкую международную дискуссию по поиску мирных решений политических проблем было бы ошибкой не только по соображениям целесообразности, но и моральным.

В этом отношении, с нашей точки зрения, чрезвычайно насыщенным содержанием, раскрывающим направление мысли митрополита Никодима и их смысл, не всегда достаточно прозрачные, часто с возможностью двойных параллельных выводов, является доклад «Диалог с римо-католиками о современной христианской социальной мысли», прочитанный на конференции «Церковь и общество» 10 мая 1966 года [3]. Тема доклада, надо сказать, чрезвычайно актуальна и в наше время. В своих размышлениях здесь митрополит

не только анализирует взгляды римских первосвященников Иоанна XXIII и Павла VI на возможность и условия диалога Церкви с миром, но и осторожно формулирует свои собственные взгляды, пытаясь объяснить своим возможным собеседникам мысль о необходимости для Церкви вести диалог даже с теми, кто его отвергает по идеологическим соображениям. В данном контексте папа Павел VI в своей энциклике «Экклезиазм суам» писал: «Объект третьей мысли нашей это взаимоотношения, которые Церковь должна установить ныне с окружающим её миром, в котором она живёт и действует. — И далее: К одним путь доступен и лёгок, к другим — труден и сложен, а ко многим — ныне, к несчастью, отмечен неприязнью, которая противится дружественной беседе. Тут и заключается проблема, называемая проблемой диалога между Церковью и современным миром». Конечно, католические специалисты по социальной проблематике не могли пройти мимо враждебных высказываний по отношению к католицизму вождя мирового пролетариата, который не без основания считал, что для мировой революции именно католическая Церковь является наиболее опасной и всеобъемлющей мировой организацией, пронизывающей все слои и структуры международного сообщества. Понимая это, митрополит Никодим и пишет в своём докладе, что «Излагая суть проблемы диалога и характеризуя собеседников Церкви, папа с горечью говорит о чрезвычайно большой трудности, чтобы не сказать невозможности, для Римско-католической Церкви вступить в диалог с представителями атеистических систем мысли, и среди них, особенно, атеистического коммунизма». Осторожно соглашаясь с этой позицией, митрополит всё же полагает, что «ждать того времени, когда атеисты изменятся настолько, что пересмотрят свою нынешнюю позицию и «завяжут, — слова Иоанна XXIII, цитируемые Павлом VI в упоминаемой энциклике, — с Церковью положительный диалог, отличный от нынешнего, в котором звучит лишь сожаление и вынужденное сокрушение» — было бы глубоко ошибочным. «Нам кажется, — продолжает свою мысль митрополит Никодим, — что существует гораздо более реальный выход из положения, находящийся в надлежащем определении содержания диалога и в правильном выборе способов, которыми его следует вести». Невозможен диалог, в котором предполагается допущение компромиссов между враждующими идеологиями. Невозможен состязательный диалог, в котором обе стороны стремятся достичь победы или поглощения. «Но, если диалог, по самой природе своей, рассматривается как средство к установлению правильных взаимоотношений с окружающим миром, в котором Церковь живёт и действует, то он всегда осуществим, и успех его зависит от того, насколько правильно очерчено соответствующее конкретным условиям содержание этого диалога, жизненно важное для обеих сторон, и насколько удачно выбран метод диалога — не только обязательная дискуссия, но и практическое сотрудничество в решении актуальных проблем. Выбор содержания и способа, естественно, зависит от характерных свойств тех собеседников, с которыми Церковь хочет вести диалог, или которые сами хотят вступить в диалог с нею». В то же самое время митрополит Никодим выражает полное согласие с папой Павлом VI в вопросе о необходимости соблюдать в таком диалоге всецелую «верность учению и заветам Христа Спасителя, внутренне благодатное общение со Христом в теле Церкви и дисциплину разумной аскезы», добавляя при этом, что «никакой диалог не может быть переходом Церкви на линию равнения её сознания по мирским началам. Но вместе с тем, если Церковь призвана служить миру, его спасению, то она должна стать «всем для всех» (I Кор. 9:22). В этом отношении митрополиту Никодиму близки слова (и он это подчёркивает) папы Иоанна XXIII: «...чада Церкви должны всегда оставаться последовательными и не допускать никаких компромиссов в отношении религии и морали; но, в то же время, они должны быть проникнуты духом понимания и быть готовыми к лояльному сотрудничеству с инакомыслящими в осуществлении вещей, добрых по своей природе...». Митрополиту нравится выражение папы Павла VI «диалог спасения», но он выражает опасение в возможности притягания такого основания диалога с внешним, атеистически обусловленным миром. «Вряд ли, — пишет он, — было бы полезно нарочито подчёркивать, что “спасительный диалог” есть разговор о спасении. Такой диалог легко может вызвать негативную реакцию и отказ вступать в него. Поэтому, — пишет митрополит, — подчёркивать его миссионерский характер значило бы, как нам кажется, ошибочно настаивать на принципе: “Всё или ничего”».

Хотелось бы обратить внимание на то, что такая точка зрения о методах ведения уважительного диалога, чрезвычайно актуальна и сегодня. И не только относительно диалога с нехристианским или даже, как сегодня принято говорить, секулярным, враждебно настроенным миром, но и с представителями христианских Церквей, христианских религиозных объединений и религиозных обществ вообще. Началом всякого спасительного действия должно быть включение человека или сообщества в диалог об Истине, если, конечно, мы достаточно мужественны и утверждены в своей вере. «Воплощение и последующая земная жизнь и служение Господа и Иисуса Христа научили нас, — говорил митрополит Никодим при открытии заседания Богословской комиссии Христианской Мирной Конференции, проходившей в Ленинграде 8 апреля 1965 года, — что человек не должен искать только своего (I Кор.10:24), а должен самоотверженно заботиться о благе других, служить другим, искать мира со всеми, ибо, — как говорит святой Иоанн Златоуст, — “мир, находясь там, где любовь, и сам прокладывает дорогу любви”». Для человека, который жил в условиях того времени, часто, при должном усилии, не трудно понять сложный подтекст его мысли в, казалось бы, самых простых фразах. Вот, например, в докладе 1971 года на Поместном соборе он пишет: «Новые условия церковного бытия в обществе, поставившем себе задачей радикальный пересмотр человеческих связей и взаимоотношений с целью большей их гуманизации, вызвали не только внешнюю, поддающуюся научно-богословскому анализу, сколько внутреннюю, почти подсознательную, “переоценку ценностей”, результатом которой явилось обострённое чувство братства со всеми людьми доброй воли, независимо от их личной судьбы или конфессиональной

принадлежности». Понятно, какие новые условия и какая гуманизация имеются в виду, особенно если обратить внимание на то, что выражение «переоценка ценностей» — в кавычках.

Именно поэтому представляется столь необходимым несколько слов сказать и по поводу обоснования митрополитом Никодимом вступления РПЦ во ВСЦ. Основополагающим в этом отношении является его уже упомянутый доклад на поместном Соборе Русской Православной Церкви 31 мая 1971 года «Экуменическая деятельность РПЦ» [4]. Но не менее интересно, с определённой точки зрения, и его выступление с докладом «Русская Православная Церковь и экуменическое движение» на генеральной Ассамблее Всемирного Совета Церквей 5 июля 1968 года. Эти два доклада, обращенные к разным слушателям, имеют несколько различающиеся цели, но абсолютно не противоречат друг другу в главном: в изложении догматических и нравственных обоснований участия в экуменическом движении. В своём докладе на Ассамблее Всемирного Совета Церквей митрополит Никодим говорил, что «Вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей нельзя рассматривать как церковный в экклезиологическом смысле акт. Оно имеет отношение к тем сторонам жизни и деятельности Русской Православной Церкви, свободное осуществление которых не налагает на неё прямой ответственности перед всей совокупностью Поместных Православных Церквей, той ответственности, которую часть таинственного Тела Христова должна нести перед полномочной выразительницей его полноты — перед всей Святой, Соборной и Апостольской Церковью». Далее митрополит указывает на то, что все Православные Поместные Церкви принимали решение о вступлении во Всемирный Совет Церквей самостоятельно, без всеправославного обсуждения, а Русская Православная Церковь, принимая такое решение на Священном синоде и Архиерейском соборе, не выносила этот вопрос на Собор Поместный. «Это знаменательно, — по словам митрополита Никодима, — если учесть твёрдое общеправославное убеждение, что “хранитель благочестия” у нас есть самое тело Церкви, т.е. народ (включая, разумеется, иерархию и клир), который всегда желает сохранить веру свою неизменной и согласной с верой отцов его» (цитата из «Окружного послания» восточных патриархов от 6-го мая 1848 г.). По мнению митрополита, способ решения о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей ясно указывает на то, что «акт этот никогда не рассматривался, как имеющий экклезиологически-обязывающее значение для православного сознания». Более того, митрополит считает, что правильнее было бы говорить не о вступлении в ВСЦ, а о соглашении о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Всемирным Советом Церквей. Хотелось бы обратить внимание высокого собрания на то, что эти слова были произнесены на Генеральной Ассамблее Всемирного Совета Церквей, а не перед православным сообществом.

В то же самое время необходимо отметить, что митрополит Никодим свято верил в возможность осуществления единства, потому как об этом перед своими страданиями молился Христос и к этой вере настойчиво призывал других. «Вера в возможность единства по Божьей воле, — говорил Владыка, — если будем достойны — сердце экуменического движения». Во многих своих докладах и проповедях он подчёркивает, что стремление к единству не должно происходить за счёт целостности православной веры и нашей церковной дисциплины. Более того, по его мнению, «подлинного и действенного экуменизма без духовного и нравственного обновления и стремления к внутреннему совершенству не бывает». Единство же возможно только тогда, когда все церкви, члены ВСЦ будут веровать согласно с Древней Неразделённой Церковью. Отсюда и вывод, который делает митрополит Никодим: «ВСЦ это не церковь, как и ООН не объединённые нации». Поэтому православные не обязаны, приспособляясь к общему мнению, менять свою экклезиологию или придерживаться каких-либо общепринятых в ВСЦ доктрин о сущности единства.

Возникает, однако, вопрос: «Что такое Древняя Неразделённая Церковь? Существовала ли она вообще в историческом плане?» Митрополит Никодим в своём докладе на Поместном соборе Русской Православной Церкви в 1971 году, говоря о необходимости всемерно повышать уровень богословской компетенции, призывает православных богословов перестать «ограничиваться одним лишь повторением хотя и очень верных, но мало определённых фраз, вроде того, что “соединяться христиане обязаны на почве Древней Неразделённой Церкви”», и призывает их приступить со смиренным упованием на помощь Божию к выяснению того, что же именно таится под такого рода фразами. «Я хочу при этом напомнить то, — говорил он, — что 76 лет тому назад писал протопресвитер И.Л.Янышев: “Смущает то, что ни греки, ни мы не даём себе научного ответа в том, что скрыто в этой почве”».

Однако, как видно из доклада, для самого митрополита Никодима явленность опыта Древней Неразделённой Церкви является основополагающим фактором, требующим только лишь богословского выявления его сущности. В этом его мнение вполне согласуется с известными словами писателя V века Викентия Леринского: «...во Вселенской Церкви нужно держаться того, во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все». (Quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est). Звучит красиво, но малопонятно, так как в этой фразе почти каждое слово нуждается в глубоком его осмыслении. Что-то вроде лозунга: «Свобода, равенство, братство». Поэтому необходимы напряжённые богословские изыскания и дискуссии, которые могут потребовать, по его словам, «годы вдумчивой и кропотливой работы». Митрополит предлагает в этом контексте основные вопросы, которые подлежат серьёзному богословскому анализу и необходимы для ведения православно обоснованного экуменического диалога. По его мнению, необходимо чётко разграничить догматы и каноны, «составляющие неприкосновенное наследие, воспринятое Православной Церковью от Древней Неразделённой Церкви, и различия во взглядах на предметы, относящиеся к области веры и церковного устройства, допустимые внутри самого Православия; возможные вопросы икономии и

уступок инославным Церквям, желающим достичь единства веры с Православной Церковью при сохранении законного плюрализма взглядов, вопросы, где икономия является немислимой; допустимость полного общения в таинствах, с такими Церквями, которые примут всё, что входит в неприкосновенное наследие от Древней Неразделённой Церкви, но будут настаивать на особенностях, с которыми Православная Церковь не может примириться в своей собственной внутренней жизни». В этих словах, безусловно, сокрыта его глубочайшая убежденность, что именно Православная Церковь является хранительницей наследия Древней Неразделённой Церкви, однако богословы должны напряжённо трудиться над конкретизацией и уяснением бесконечной глубины его содержания.

Всматриваясь в процессы, которые происходят сегодня с протестантскими религиозными сообществами, мы не можем не задуматься над тем, почему реформаторское движение, начинавшееся, собственно говоря, с несогласия с безнравственностью, существовавшей в жизни христиан, с проповедуемого даже часто морального ригоризма, обернулось сегодня крайними формами либерализации в отношении к нравственным ценностям в угоду временным изменениям цивилизационного характера. Легко сделать в связи с этим вывод, что православное свидетельство оказалось напрасным. Однако такое решение представляется слишком поспешным. Мы являемся сегодня свидетелями не только либерализации нравственных представлений в протестантской среде, но и несогласия с этим явлением очень многих христиан, которые стремятся отмежеваться от столь радикальных взглядов, формируя новые религиозные сообщества или переходя в Римско-Католическую или Православную Церкви. И как знать, может быть, православное свидетельство об Истине имело для них, также, впрочем, как и многие другие факторы, очень важное значение.

Определяющим фактором личной, и не только, духовной жизни митрополита Никодима было его Евхаристическое служение. И дело не только в том, как он служил (максимально торжественная сосредоточенность без всякого намёка на экзальтацию), главное, кажется, заключалось в чрезвычайной внимательности к тем смыслам, которые заключаются в литургических текстах, в желании донести эти смыслы до молящегося вместе с ним народа. Его молитва была для него средством проповеди о Христе Воскресшем.

9 мая 1974 года на богословском факультете Хельсинского университета митрополит Никодим выступил с докладом «Святая Евхаристия — таинство жизни Церкви. (Евхаристия и Экклезиология)» [5].

«Святая Евхаристия является не только средоточием духовно-благодатной жизни верующих во Христе, — говорил митрополит, — но и заключает в себе свидетельство Церкви о тех истинах, которые она свято хранит и ревностно исповедует. Неразрывная связь литургического опыта Церкви с её догматическим учением несомненна. В молитвах Литургии отражена триадология (троическое богословие), христология, сотериология, экклезиология, эсхатология и другие догматы, содержимые Церковью. Поэтому, с полным убеждением мы вместе со святым Иринеем можем утверждать, что “наше учение согласно с Евхаристией, а Евхаристия, в свою очередь, подтверждает учение”».

В то время в протестантских кругах была очень распространена идея совместного причащения, что, по мнению многих, и должно было привести христиан к единству. В этом контексте, встречаясь с делегацией национального совета церквей США 4 сентября 1974 года, митрополит в своём докладе «Иисус Христос освобождает и объединяет (богословский аспект)», исповедуя веру Православной Церкви в благодатную действенность таинства Евхаристии со ссылкой на святого Иоанна Дамаскина, говорил: «Так как мы причащаемся от единого хлеба, то все делаемся единым телом Христовым и единой кровью, и членами друг друга, составляя одно тело со Христом. Составлять единое тело, — добавляет от себя митрополит, — значит иметь одну душу. Единомыслие, а не раздвоение характеризует единомыслие. Если же Христиане имеют разные взгляды на Тело Христово и Кровь Христову, если у них нет единства в самом священном — в их вере и исповедании Господа Иисуса Христа, — значит у них нет единомыслия, а потому причащение от одной евхаристической чаши будет лишь внешним действием, не имеющим внутренней сущности, значения и силы, и, значит, такое причащение невозможно» [6].

Очень много времени и сил митрополит Никодим уделял сохранению и развитию Духовных школ Русской Православной Церкви. Прерванная жестокими репрессиями богословская традиция нуждалась в восстановлении ещё и потому, что вести глубокий и напряжённый диалог с представителями богословских традиций запада и востока было далеко непростым делом. Обращаясь к внешнему миру, митрополит настаивал на том, что абстрактное мышление, которым оперирует богословие, есть необходимая форма научного мышления вообще. Он рассматривал богословскую науку как средство выяснения, уяснения и утверждения веры. Поэтому назначение богословия — служить спасению человека. Митрополит акцентирует внимание на том, что святоотеческое богословие развивалось как бы в ответ на вызовы современности, выстраиваясь постепенно в стройную мировоззренческую систему, поэтому духовное осмысление церковного наследия не может подменяться слишком рассудочными и оторванными от жизни созерцаниями. Нельзя, настаивает митрополит Никодим, игнорировать апостольский и святоотеческий принцип единства богословия и христианской жизни. Но особенно впечатляюще и современно звучит призыв митрополита научиться выражать вечную истину Евангелия в новых и убедительных категориях, которые были бы доступны пониманию современного человека, не подстраиваясь под интеллектуальные вкусы эпохи.

В конце его жизни он был адекватно понят руководителями, отвечающими за религиозную политику в стране победившего социализма. Как мне представляется, он и сам это начинал понимать, и его уход к Господу Славы выглядит вполне закономерным. Его борьба за Церковь подарила православным верующим Советского

Союза право на существование на несколько более длительном промежутке времени безбожной действительности нашей истории, чем успехи, достигнутые патриархом Сергием. Но после его смерти метроном, отсчитывающий последние годы существования тирании большевистской партии в России, был уже запущен...

1. Митрополит Иоанн (Зизиулас). Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006. 280 с.
2. Митрополит Никодим (Ротов) — православный богослов в эпоху социализма. К 80-летию со дня рождения. Из богословского наследия Митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима за 1956—1967 гг. СПб.: Князь-Владимирский соб., 2009. 218 с.
3. Никодим (Ротов), митр. Диалог с римо-католиками о современной христианской социальной мысли: Доклад на пленуме конференции «Церковь и общество» // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 9. С. 70-75.
4. Никодим (Ротов), митр. Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви. Сводный доклад на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 31 мая 1971 года // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 7. С. 27-44.
5. Никодим (Ротов), митр. Святая Евхаристия — таинство жизни Церкви (Евхаристия и экклезиология) (доклад в Хельсинкском университете 9 мая 1974 года) // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 8. С. 23-29.
6. Никодим (Ротов), митр. Иисус Христос освобождает и объединяет (богословский аспект) // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 5. С. 55-59.

References

1. Mitropolit Ioann (Ziziulas). Bytie kak obshchenie. Ocherki o lichnosti i Tserkvi [Being as communication. Essays on the personality and the Church]. Moscow, 2006. 280 p.
2. Mitropolit Nikodim (Rotov) — pravoslavnyy bogoslov v ehpokhu sotsializma. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya. Iz bogoslovskogo naslediya Mitropolita Leningradskogo i Novgorodskogo Nikodima za 1956—1967 gg. [Metropolitan Nicodemus (Rotov) is an orthodox theologian in the era of socialism. To the 80th anniversary of birth. From the theological heritage of Nikodim, Metropolitan of Leningrad and Novgorod in 1956—1967]. St. Petersburg, 2009. 218 p.
3. Nikodim (Rotov), mitr. Dialog s rimo-katolikami o sovremennoy khristianskoy sotsial'noy mysl'i: Doklad na plenumе konferentsii "Tserkov' i obshchestvo" [Dialogue with the Roman Catholics about contemporary Christian social thought: Report at the conference Church And Society]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, 1966, no. 9, pp. 70-75.
4. Nikodim (Rotov), mitr. Ekhumenicheskaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Sodoblad na Pomestnom Sobore Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 31 maya 1971 goda [Ecumenical activity of the Russian Orthodox Church. A companion report at the Local Council of the Russian Orthodox Church on May 31, 1971]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, 1971, no. 7, pp. 27-44.
5. Nikodim (Rotov), mitr. Svyataya Evkharistiya — tainstvo zhizni Tserkvi (Evkharistiya i ehkkleziologiya) (doklad v Khel'sinkskom universitete 9 maya 1974 goda) [The Holy Eucharist is the sacrament of the life of the Church (Eucharist and Ecclesiology) (report in the University of Helsinki on May 9th, 1974)]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, 1974, no. 8, pp. 23-29.
6. Nikodim (Rotov), mitr. Iisus Khristos osvobozhdaet i ob'edinyaet (bogoslowskiy aspekt) [Jesus Christ frees and unites (the theological aspect)]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, 1975, no. 5, pp. 55-59.

Alexander Ranne, Archpriest. Theological and moral foundations of an open dialogue with the world (based on the doctoral dissertation of Metropolitan Nikodim (Rotov)). The article is devoted to the description of life and history of ministry of Metropolitan Nikodim (Rotov) (1929—1978), a prominent contemporary figure of the Russian Orthodox Church. A review of his activities, attitudes and theological heritage is presented.

Keywords: Russian Orthodox Church, Metropolitan Nicodemus (Rotov), ecumenism, World Council of Churches.

Сведения об авторе. Александр Ранне — протоиерей, кандидат богословских наук, председатель Отдела религиозного образования и катехизации Новгородской епархии Русской Православной Церкви (Великий Новгород); ranne@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.